

"Котел крада" (1942), Габ

В ГРАНАДЕ, на площади Кармен пылал костер инквизиции. Новоявленные «дойцы», в черных шапках с хищными раструбами крыльев на затылках, швыряли в огонь книги. Жертвой этого зловещего аутодафе была поэзия. На обложке каждой из пожираемых огнем книг стояло одно и то же имя — Федерико Гарсиа Лорка.

А самого поэта уже расстреляли. На шоссе. Недалеко от Гранады. Он был похоронен в безымянной могиле. Вместе с другими расстрелянными в тот день патриотами республиканской Испании.

Он никогда не брал в руки оружия. Только перо.

И тем не менее приказ покончить с ним пришел к испанским фашистам из гитлеровского Берлина. Все списки подлежащих расстрелу республиканцев составлялись там, в «Иберо-германском институте»...

Бездонная несовместимость кроваво-коричневого мира фашизма и ясного, смотрящего широко раскрытыми глазами на жизнь, поэтического мира Лорки двигала руками убийц. «Его принесли в жертву как фигуру политическую. В Гранаде — городе в то время реакционном, фигура Лорки была страшнее любого подрывного элемента, который только мог существовать. Его убийство — это преступление крайне политическое, чудовищное, ужасное. Убили человека, целиком принадлежаще-

го новой Испании, Испании, которая хотела быть иной и жить по-новому... Это было наиболее чудовищное политическое преступление XX века» — это слова другого испанского поэта — Рафаэля Альберти, друга Лорки, вместе с которым весной 36-го они организовали мадридский Союз антифашистской интеллигенции.

Волна поэтической скорби, захлестнувшая мир, вызвала растерянность даже в рядах самих убийц поэта. Тысячи поэтов Испании, Европы, Латинской Америки приняли участие в «плаче по Лорке».

К нам его имя принес романтический ветер республиканской Испании, пропахший свободой и порохом, кровью героев и ароматом оливы его родной Гранады. На страницах революционного словаря оно стояло в ряду с такими высокими именами, как Республика, Интербригада, с гордым лозунгом патриотов: «Но басаран!» — Фашисты не пройдут!

И вот — сейчас это кажется чудом — в разгар Великой Отечественной, в 44-м, на фронт, под разрывы снарядов, сражающихся с фашистами бойцам были отправлены скромные томики стихов, отпечатанные на шершавой и желтой военной бумаге. На обложке стояло нерасстрелянное и несожженное имя поэта — Федерико Гарсиа Лорка.

...ОТПРАВЛЯЯСЬ недавно на юг Испании, в Гранаду, я ехала на свидание с Лоркой...

ИЗ МАДРИДА, величественного и помпезного, как королевский парад, путь лежал на юг через всю Кастилию. Через ее иссушенный, выжженный плен. Мимо серых, безжизненных сот городков, облепивших холмы. Сквозь Ла-Манчу, Ла-Венту. Обгоняя старинного друга — элепого, долгоязого странника на коне. «В некоем селе Ла-Манчи, имени которого мне не хочется упоминать, не очень давно жил один идалго из числа тех, что имеют родовое копы, древний щит, тощую клячу и борзую собаку...»

Пестрая россыпь керамики и фруктов у дороги. Кабачок под названием «Идалго». Неужели и вправду здесь, «в некоем селе Ла-Манчи...»? Ну конечно! Иначе зачем же тогда белобрюхие круглые мельницы оседлали вершины окрестных холмов. Бесполозные ныне. Но когда-то воинственные. Помните? — «Тут они увидели тридцать или сорок ветряных мельниц, стоявших среди поля; заметив их, дон Кихот сказал своему оруженосцу: — «Добрая судьба руководит нашими делами лучше, чем мы могли бы этого желать. Посмотри вон в ту сторону, друг Санчо Панса, — видишь там тридцать, а то и больше свирепейших великанов?»

Скорбные кипарисы сбегают парами с холма к стенам сельского кладбища и там за ними разбегаются в беспорядке по своим местам.

Но вот скалистые зубы Сьерра-Морены перекусывают пуповину дороги, чтобы положить начало Андалусии.

Серебристо-зеленая пленница оливы. Будто наброшена на ее холмы и долины гигантская сеть с аккуратными узелками головастых деревьев. Тополевые рощицы, россыпи маков, миражи средневековых замков на вершинах холмов.

И, наконец, белый город, зачарованный солнцем, распластаный им у подножья

В ПОИСКАХ ЛОРКИ

ИСПАНСКИЕ РЕПОРТАЖИ

снежноголовой громадины Сьерра-Невады.

Гранада. Бывшая столица Испании. Центр, сплотивший ее в единое государство после веков мавританского владычества и реконквисты.

Гранада. Меланхолическая колыбель дерзких планов первооткрывателя Нового Света. Вот и сам он. Из бронзы. Припал на колено к складкам королевского платья и смиренно протягивает Изабелле карту, по которой и будут прокладывать путь вокруг света его каравеллы.

Гранада. Счастливая родина самого светлого и трагического из поэтов Испании.

... — Где здесь дом Гарсиа Лорки? — В ответ прохожие пожимают плечами. — Где находится дом, в котором жил знаменитый испанский поэт Федерико Гарсиа Лорка?!

Книжная витрина на площади в центре города. Гигантские кожаные тома истории тауромахии — науки о бое быков. Пестрая обложка брошюры о гадании и предсказании судьбы. Пособия по эротике. История гестапо. Труды генералиссимуса Франко... И здесь ничто не напоминает о Лорке. Может быть, что-то скажет продавец магазина? — «Дом Лорки должен быть в селении Фуэнте-Вакерос, где он родился. А разве он жил в Гранаде?»

ПЛОЩАДИ испанских городов заселены королями. Гранада — не исключение. На крошечной старой площади у собора — надутый и гордый король на коне. А какие-то шутники напялили

на него в виде цилиндра огромную консервную банку. А в руку сунули букет репейников. У подножия топчется заморенный жарой полицейский, не выражая ни капли желания навести порядок. Да и забраться на каменного истукана ему не под силу. А вот кому оказалось под силу и кто был не прочь поразвлечься за счет королевской особы — сомнения нет: это дело рук молодежи. И действительно: у мрачно-холодного входа, напоминающего двери собора, — табличка факультета общественных и политических наук Гранадского университета.

Холод мрамора. Внутренний двор с колоннадой. Посреди — бюст брызгливого старика во скрижалы.

Худенький паренек, видимо, дежурный, оседлал стул у входа и погрузился в страничку.

— Можно войти?

Как приятен в испанде контраст между внешней замкнутостью и внезапным теплотой и вниманием, стоит к нему обратиться с вопросом. Гульки мраморные балконы и коридоры пусты. Лоскуты объявлений на доске — следы недавно закончившихся экзаменов. Сейчас — каникулы.

Огромная мраморная доска на стене — в убористой списке имен... Студенты Гранадского университета, погибшие в 36—39-м годах. На чьей стороне, от чьей пули? Неизвестно... Все вместе...

Есть неподалеку от Мадрида Долина павших. Там руками согнанных со всей Ис-

пании пленных республиканцев выдолблен в скале огромный храм. Сотни его строителей были сброшены в пропасть с отвесных скал. Над пропастью и горами воздвигли гигантский каменный крест и распорядились свезти под него всех без различия погибших в гражданской войне, чтобы похоронить в общей могиле, под одним крестом. Думали примирить после смерти непримиримых при жизни...

Худенький парень-испанец, сидящий у входа, отложил книгу и внимательно наблюдает за нами. Тонкое лицо серьезно.

Мануэль. Студент третьего курса. Родился и вырос в Гранаде.

Возможно, он — часть Гранады, помнящей о своем поэте?

— Ничего связанного с памятью о Лорке в Гранаде не сохранилось. — Мануэль с явной поспешностью отвечает на вопрос. — Дом его снесли года полтора-два назад. А в Фуэнте-Вакерос, где он родился, я вам ехать не рекомендую. Одна известная писательница из Мадрида ездila туда. Говорят, у нее были большие неприятности...

Он соглашается показать нам город, остатки древней стены, мавританскую крепость, кафедральный собор — один из самых больших и пышных в Европе.

Когда, утомленные жаром раскаленных площадей, сумраком соборов и лабиринтом узеньких, как водосток, улиц, мы присели отдохнуть в тени платанов, перед нами

оказалась статуя женщины. В просторных испавающих одеждах. Рука прижата к груди. Она обращается к людям с величественными словами к людям на площади. «Гранада — героизму» — выдолблено в камне.

Так это же Марьяна Пинеда! Молодая героиня освободительного движения, публично казненная монархистами в прошлом веке на этой площади.

Памятник стоял совсем близко от дома Лорки. «Все герои XIX века Испании, которым поставлены статуи, уже нашли своих драматургов. Единственное исключение — Марьяна Пинеда, возможно, потому, что она ждала своего поэта, — писал Лорка. — В Гранаде ее статуя стояла прямо перед моим окном. И я ее постоянно видел. Как же мне было не чувствовать себя обязанным, в память о ней и в Гранаде, воспеть ее мужество?»

И Марьяна Пинеда обрела автора, а Лорка — героиню. Он назвал пьесу ее именем. И в то время, как «Марьяна Пинеда» обходила с триумфом театральные подмостки мира, мраморная Марьяна как бы охраняла дом поэта.

Но где же этот дом? Его как будто и не было...

Совершенно неподалеку, за углом, находилось кафе «Аламеда». Там собиралась гранадская богема: артисты, музыканты, гореры. А закулок за эстрадой облюбовали студенческие друзья Лорки — они так и называли себя — «закулочниками». Здесь в «Аламеде», во время бесед и споров с друзьями и складывался Лорка, поэт и человек. Это кафе первым услышало первые стихи юного поэта... Но где же оно?

— О, кафе «Аламеда»! — прохожий, элегантный старый испанец в шляпе, мечтательно улыбается, — я сам тогда юношей заживал, играл на бильярде... Но его уже здесь нет.

В первом этаже углового дома, где находилась «Аламеда», расположен магазин запчастей для сельскохозяйственных машин. И школа шоферов под названием... «Аламеда».

Будто по чьему-то высокому велению из города убрали все, что связывало его с памятью поэта. Но для этого надо было бы срыть с лица земли саму Гранаду — она целиком воспитала его и воспета им. И разве не часть Лорки волшебная музыка города — игра поющей, шепчущей, звенящей в множестве желобов, каскадов и фонтанов горной воды Сьерра-Невады? И разве не частица его романтической поэзии — парящая над городом мавританская крепость Альамбра? И разве не на Сакро-Монте, в цыганских пещерах, в бездонных глубинах «канте-хондо» пробивались первые ростки этой трагической и страстной поэзии? Так как же может забыть Гранада о Лорке?!

И. ХУЗЕМИ.

Мадрид — Гранада — Москва. (Окончание следует).